

Федин Александр Николаевич

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГРЕССА В КОНЦЕПЦИИ Р. ГЕНОНА И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ В РОССИИ XXI ВЕКА

В статье рассматриваются элементы социального регресса в концепции Р. Генона и их актуальность в современном российском обществе. В центре внимания автора – проблема взаимодействия культур различных цивилизаций в процессе общественного развития. В статье автор стремится показать, что преодоление регрессивных тенденций в современной России невозможно без построения новой модели социального прогресса, ориентированной на использование русской культурной матрицы в качестве источника развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. I. С. 199-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Философские науки

В статье рассматриваются элементы социального регресса в концепции Р. Генона и их актуальность в современном российском обществе. В центре внимания автора – проблема взаимодействия культур различных цивилизаций в процессе общественного развития. В статье автор стремится показать, что преодоление регрессивных тенденций в современной России невозможно без построения новой модели социального прогресса, ориентированной на использование русской культурной матрицы в качестве источника развития.

Ключевые слова и фразы: социальный регресс; культурная матрица; цивилизация; модернизация; традиционное общество.

Федин Александр Николаевич*Рузаевский институт машиностроения (филиал)**Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева**alexfedin@yandex.ru*

ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕГРЕССА В КОНЦЕПЦИИ Р. ГЕНОНА И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ В РОССИИ XXI ВЕКА[©]

Современное российское общество переживало тяжелые метаморфозы и трансформации на протяжении последних двадцати лет. Все чаще употребляемые в СМИ термины «модернизация», «инновация», «нанотехнология» должны быть восприняты как шаг к построению более совершенного общественного устройства. Однако критическое отношение к процессам модернизации имеет в обществе вполне справедливые основания, т.к. предполагаемая конечная цель в виде информационного или постиндустриального общества строится на базе критериев, возобладавших в нашей стране в конце XX века, и большинством населения воспринимается с недоверием. Перефразируя Х. Ортегу-и-Гассета, скажем, что социальный прогресс общества проявляется в первую очередь на ментальном уровне, когда общество нуждается в развитии и задумывается о возможности его достижения все чаще.

Назвать социальные преобразования последних лет как поступательное движение социального развития общества довольно трудно, так как парадигма развития и методы реализации ее в российском обществе выбраны неверно. Таким образом, точнее по отношению к происходящим в стране изменениям будет употребить термин «социальный регресс». Из всех теорий, касавшихся проблем регрессивного развития, концепция Р. Генона располагает в себе элементами для анализа взаимодействия различных цивилизаций в достижении как регрессивного, так и прогрессивного состояния общества. Актуальность такого взаимодействия в наш век информационного общества, где влияние западного мира и его культуры усиливается многократно, не подвергается сомнению.

Из множества тенденций регрессивного развития цивилизации Запада в концепции Р. Генона наиболее актуальными в нынешней исторической ситуации мы считаем следующие: а) влияние кризиса Запада на остальной мир; б) материальная и культурная экспансия западного мира; в) возможность выхода общества из регрессивного состояния.

Обозначенные выше проблемы имеют прямое отношение к российскому обществу, переживающему тяжелые социальные трансформации. Следует сразу заметить, что концепция вырождения западного мира неприменима в полном объеме к российскому обществу в тех понятиях, какими оперировал Р. Генон, ибо российское, а затем советское общество гораздо дольше сохраняли в себе черты традиционного общества, чем западное. В попытках установления причин отказа от развития в рамках традиционной парадигмы модель Генона может быть полезна и информативна. Российское общество, дольше западного оставшееся в рамках традиционного, сумело именно на основании объединения традиционных и модернизационных элементов, получивших развитие в рамках советского проекта, добиться прогресса культурно-исторического типа именно как синтеза идей европейского Просвещения с духовным поиском русской мысли, принципами коллективности, равенства и справедливости. Вобравшая в себя идеи русского космизма, представления о мессианском предназначении русского народа, идеи славянофильства, советская модель развития за короткий этап существования сумела обеспечить социальный прогресс на базе традиционного общества. Анализируя традиционную составляющую советского общества, С. Г. Кара-Мурза отмечает соотношение индивида и общества, где «общество всегда было целым, образованным из соборных личностей» [3, с. 297].

Описывая кризис западного общества в период завершенной практически везде индустриализации, Генон акцентировал внимание на промышленной и технической экспансии Запада, т.к. в рациональном представлении это была новая эпоха социального прогресса. «Если люди Востока вынуждены принять промышленность как неприятную и временную неизбежность – и для них она в принципе не может быть чем-то иным, – они используют ее лишь как оружие, позволяющее противостоять экспансии Запада и оберегать свое собственное существование» [2, с. 104]. В современном глобальном мире основной формой

экспансии явилась культурная, и здесь стоит перейти к проблеме теоретических оснований новой модели социального развития для нашей страны.

В современной информационной эпохе взаимодействие различных субъектов исторического процесса не только не подвергается сомнению, но и играет существенную роль в реализации социальных преобразований, поэтому идеи Р. Генона остаются актуальными. Интерес представляет направление взаимодействия, когда заведомо регрессивно развивающийся субъект производит воздействие по отношению к другому на материальном и культурном уровнях. Воздействие лишь на материальном уровне не способно привести попавшего под влияние субъекта к регрессивному пути развития. Таким образом, угроза кризиса не только западного мира, но и всей мировой цивилизации находится у французского мыслителя на уровне культурном. Слом традиционного ядра культуры позволяет западному обществу импортировать давно устоявшиеся на Западе тенденции «индивидуализма», «гуманизма», «профанизма», что, по мнению французского философа, ведет к регрессивному пути всего остального человечества. Данный элемент концепции Р. Генона весьма важен при изучении современного развития России.

Так, обсуждаемая российским философом А. И. Ракитовым на заре перехода к капиталистической форме общественных отношений форма культурной матрицы, формировавшаяся в течение многих столетий, была признана не готовой к новым, так называемым прогрессивным подвижкам, которые могла принести рыночная система. Силы рынка вместе с ценностями демократии, конкуренцией, либерализацией цен и другими соответствующими обновлениями общественной жизни, по мнению А. И. Ракитова, были не способны произвести изменения сами по себе. Смена культурной матрицы должна была стать частью новой модели социального развития как отправная точка для создания истинного проекта, отвечающего социальным вызовам, с рациональным отношением к экономике. Член Общественной палаты России, председатель Комиссии по культуре П. А. Пожигайло определяет русскую цивилизацию как цивилизацию этическую, что находит свое отражение, в первую очередь, в культурной матрице [5, с. 40]. Поэтому и мышление, даже в экономической сфере, есть продолжение, в первую очередь, этических воззрений. Целерациональное мышление при взаимодействии с протестантской этикой, как писал М. Вебер, позволило западным странам создать уникальное капиталистическое общество, неповторимое для других. А. И. Ракитов видит в ядре культуры механизм, который отвечает за способность различных культурно-исторических типов проводить собственные инновационные преобразования. Складывающееся веками ядро культурной матрицы представляет собой некий ретранслятор накопленных в нем знаний различных поколений, обладающий функциями хранения и передачи [11, с. 7]. Упрекая русскую культурную матрицу в невозможности адаптации к новым технологическим вызовам, А. И. Ракитов предлагает трансформировать или мутировать ее. Важно подчеркнуть, что для А. И. Ракитова русское ядро культуры – это регрессивная ветвь развития, «которая на протяжении ряда последних десятилетий и даже столетий притворялась европейской, но сохраняла свою неизменную традиционную сущность, фундаментальным устоем которой было неуважение к человеку и отрицание всего нового, прежде всего в самой своей основе: в сфере технологии производства, власти и общественной жизни» [Там же, с. 10]. Так, и И. Р. Монахова убеждена в необходимости изменения менталитета русского народа для осуществления модернизационных процессов и приближения российского общества к западному. К характеристикам русской ментальности она относит такие качества, как: а) неуважение к человеку; б) агрессивность; в) несоответствие христианству как религии; г) общинное сознание. Как итог, Монахова находит выход: «...изменение менталитета хоть в какой-то степени и воздействие... с целью этого изменения – почему бы и нет, если для этого есть существенные причины...» [7, с. 154]. Р. Генон писал: «...сегодня же, напротив, появляется все больше и больше восточных людей, которые целиком и полностью —стернизированы», которые отрекаются от своих традиций, усваивают все заблуждения, свойственные сугубо современному мировоззрению. Подобные —стернизированные” элементы, сбивые с пути обучением в европейских или американских университетах, становятся источниками смуты и волнений в своих собственных странах» [2, с. 114]. Данная проблема определялась Р. Геноном как борьба различных типов сознания, где западный образец давно утратил свою прогрессивную составляющую и несет теперь в себе лишь разрушительное воздействие.

Активная социал-дарвинистская потребность в конкуренции, сила индивидуального субъекта, заинтересованного лишь в накоплении капитала, универсальные общечеловеческие ценности – вот те основы эффективного человека, развивавшегося в рамках прогрессивной модели западноевропейского общества, которую Р. Генон признавал опасной как для самого западного мира, так и для тех, кто попал под его влияние, прежде всего влияние культурное. Стоит отметить, что свои плоды такой подход к социальному прогрессу дал в условиях строго выстроенной модели общества, со строгими правовыми нормами, этикой протестантизма и экономическим колониализмом. Однако ограниченность этой парадигмы развития была поставлена под сомнение еще в конце XIX века – начале XX века в трудах Ф. Ницше, Г. Зиммеля, О. Шпенглера, Г. Джорджа. Универсальность же ее была эмпирически развеяна путем попытки модернизации стран Азии и Латинской Америки. Еще в начале 70-х годов XX века в экономических, философских и социологических работах была раскритикована версия универсального подхода к модернизационным процессам благодаря теориям С. Айзенштадта, Р. Инглхарда, С. Хантингтона, Э. Тоффлера и др. Процесс разложения социалистического лагеря в Восточной Европе запустил новый этап для возобновления модернистских построений. Отметим, что на данном этапе универсальность модернизации перешла из экономической сферы в политическую и культурную. Так, А. Тодд, Ф. Фукуяма и У. Бек в своих работах

объясняли переход к современному обществу принятием либерально-демократических ценностей. Важной представляется мысль В. Пантина о том, что модернизация как процесс охватывала не только экономические, политические и социальные структуры, но и человека. Стала необходима свободная от традиции личность, готовая к радикальным переменам и восприятию новых идей [9, с. 136].

Внедряемые в перестроечные годы так называемые общечеловеческие ценности (демократия, либерализм, свобода слова и т.д.) имели важное значение для подготовки фундамента к «цивилизованной» модели развития. Кроме слома культурной матрицы исторического типа была утверждена в общественном сознании мысль о невозможности иного пути общественного прогресса. Это вполне укладывается в рамки прогрессистских теорий западной философии М. Кондорсе, И. Канта, Г. Спенсера, где ярко выраженный европоцентризм сомневался в самой природной способности иных цивилизаций к развитию [8, с. 241]. Начальный этап данного процесса А. М. Буранчин охарактеризовал как процесс, где «варварское разрушение социальных и политических институтов советского традиционализма стало настоящей трагедией для основной массы населения страны, а резкий разрыв с традицией (пусть даже и советской) обернулся для традиционного человека крушением высших ориентиров и ценностей, утратой смысла жизни» [1]. Так, и А. С. Панарин писал о том, что сама природа недемократических государств неприемлема для прогресса в западном понимании [11, с. 10]. Как показал Н. Н. Кобелев, успешной модернизацией может служить лишь та, где культурные и ценностные ориентиры, традиционные для общества, успешно встроены в новую парадигму предполагаемого развития. В противном случае получается лишь бледная копия модели, с которой берется образец [6, с. 197].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках перехода к современной модели социального прогресса установились следующие тенденции: а) парадигма развития, обеспечившая в XX веке социальный прогресс советского общества, была признана нецивилизованной; б) сформировавшиеся в рамках советской парадигмы общество и человек не способны к «цивилизованной» форме прогресса ввиду отсутствия у них способности к принятию «цивилизационных» форм организации общественной жизни; в) единственным верным путем развития признается западноевропейский, без учета собственного исторического опыта и культурных ценностей. Из вышесказанного следует, что в данной парадигме существенный скачок в общественном развитии невозможен, т.к. он не учитывает особенностей культурно-исторического типа, поэтому мы и охарактеризовали последние двадцать лет российской истории термином «социальный регресс». Существенным является вопрос о выстраивании новой модели развития с учетом особенности экономического, социального, культурного потенциала, заложенного в рамках исторического развития России. Вопрос об обращении к традиционным для нашего общества ценностям, взамен общечеловеческих, и их интеграция, с привнесенными и уже устоявшимися элементами информационного общества, должны стать во главу угла. При этом вариативность модели должна учитывать возможность как дальнейшей тенденции глобализации, так и альтернативное сугубо этнокультурное развитие.

Западная материальная интервенция до той поры безопасна, пока она не перейдет на культурный уровень. Актуальность модели социального регресса Р. Генона заключается в анализе культурной интервенции западной цивилизации в иной субъект исторического развития, где традиционные социальные скрепы заменяются европейскими. К ним философ относит: а) гуманизм, б) рационализм, в) индивидуализм. Рассмотрим поднимаемую Р. Геноном проблему о выходе цивилизации из регрессивного состояния, где важным для нас является установление «порога возвращения», то есть временного интервала на исторической шкале времени, где происходит кризисный разрыв элементов традиции и модернизации. В его концепции реализация выхода из состояния регресса отнесена к поиску возврата к традиционным принципам христианской веры, причем веры в средневековом варианте, т.к. окончательным разрыв традиции начинается с эпохи Возрождения и Реформации [2, с. 76]. Другим значимым фактором является соотношение собственных интеллектуальных сил и восточных традиций. Ретрансляция утраченных возможностей развития передается от одной цивилизации к другой путем действий интеллектуальной элиты. Отличительной особенностью данной концепции является взаимодействие культур и цивилизаций в попытках преодоления социального регресса за счет не только внутренних сил, но и внешних. Обладая правом выбора, тот или иной субъект исторического развития может воспользоваться накопленным опытом другого, однако лишь с учетом традиций первого, иначе ретранслируемые идеи не способны содействовать развитию. Такой подход кардинальным образом отличается от других европейских теорий, описывающих социальный регресс западного общества. Ф. Ницше видел выход из регрессивного состояния европейской цивилизации путем преодоления сложившихся социальных, моральных, этических барьеров, заложенных эпохой Просвещения, Великой французской революцией и христианской религией. Модель О. Шпенглера вовсе же отрицала взаимодействие культур и цивилизаций и возможности отклонения от заданного природой смысла жизни, логичное окончание которого в смерти.

Точка перехода к регрессу, определенная Р. Геноном в эпохе Возрождения, лежала в уже давно ушедшем историческом прошлом, и вопрос остановки разложения западного общества в концепции философа был невозможен без воздействия внешних культурных сил Востока или, как писал Р. Генон, обращения к «живому духу». Острая необходимость в восточных идеях была связана с затянувшимся процессом социального регресса общества, который охватывал собой несколько поколений. Однако справедливость слов Р. Генона мы можем найти и в современной проблеме социального прогресса и всей западной философии. XXII мировая философская

конференция центральной проблемой поставила переход к восточной философской традиции в рассмотрении проблем прогресса как наиболее подходящей для коэволюции системы «Человек – Природа – Космос» [4].

Характерной особенностью нашего общества является сохранение этого «живого духа» внутри еще этого поколения людей, где культурная составляющая еще способна обеспечить социальный прогресс. Существенной, по нашему мнению, является задача установления временного интервала трансформации или мутации внутри бывшего советского общества, т.к. элементы культурного воздействия западного мира прижились на почве наступивших изменений. Что же касается проблемы воздействия восточных культур, то интерес в плане изучения представляют модернизация общества в Японии, известная как «реставрация Мэйдзи», а также модернизационный процесс китайского общества и его стремление к состоянию «Сяокан». Выше перечисленные примеры иллюстрируют способность модернизационных технологических рывков в разных странах с учетом особенностей развития культур субъектов исторического процесса и их дальнейшее успешное взаимодействие с западным миром.

Безусловно, что вопросы экономического и технического развития всегда будут приоритетными в плане обеспечения условий для перехода общества на качественно новый уровень бытия, однако их взаимосвязь с культурным развитием должна быть установлена. Так, вопросы, вынесенные в заглавии книги «Русская культурная матрица: миф? Двигатель модернизации? Барьер?», представляют отличный пример недоверия к собственной исторической традиции и культуре. Если не найти отправную точку в многовековой культуре, то где же искать собственный источник развития? Преодоление же культуры как барьера означает оставить наследие позади и с чистого листа найти скрепы всего многонационального общества, а лишь затем осуществлять модернизационные процессы. Однако сам факт поиска факторов модернизации на уровне культурном является верным направлением на пути преодоления тех регрессивных тенденций в обществе, которые мы наблюдаем последние десятилетия.

Список литературы

1. Буранчин А. М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект [Электронный ресурс]. URL: <http://against-postmodern.org/buranchin-traditsionnoe-obshchestvo-i-modernizatsiya-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 10.06.2013).
2. Генон Р. Кризис Западного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001. Т. 1. 365 с.
4. Мантанов В. В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего (по материалам XXII Всемирного философского конгресса) // Век глобализации. 2009. № 1. С. 175-184.
5. Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? М.: ОАО «ИПО Лев Толстой», 2012. 217 с.
6. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М.: ИФРАН, 2002. 208 с.
7. Монахова И. Р. Российский менталитет в свете глобальных вызовов – вечных и современных // Век глобализации. 2011. № 2. С. 150-162.
8. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007. 557 с.
9. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. 246 с.
10. Ракитов А. И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3-15.
11. Философия истории: учеб. пособие. М.: Гардарики, 1999. 432 с.

ELEMENTS OF SOCIAL REGRESSION IN R. GUENON'S CONCEPTION AND THEIR TOPICALITY IN RUSSIA OF THE XXIST CENTURY

Fedin Aleksandr Nikolaevich

*Ruzaevka Institute of Mechanic Engineering (Branch) of Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
alexfed@yandex.ru*

The author considers the elements of social regression in R. Guenon's conception and their topicality in the modern Russian society, pays special attention to the problem of the interaction between the cultures of different civilizations in the process of social development, and tends to show that the overcoming of regressive tendencies in modern Russia is impossible without constructing a new model of social progress, directed to the use of the Russian cultural matrix as a source of development.

Key words and phrases: social regression; cultural matrix; civilization; modernization; traditional society.